

Борис КУТЕНКОВ

ВСМАТРИВАТЬСЯ В ДРУГОГО

Владимир Козлов. Русская поэзия начала XXI века: поколения, жанры, фигуры. – СПб.: Алетейя, 2025.

Литератор в центре громокипящей истории – так можно было бы определить сюжет новой книги статей Владимира Козлова. В отличие от предыдущей – «Зачем поэзия» (2023)¹, посвящённой именно задачам поэзии в современных обстоятельствах, – эта, хотя и не избегает соответствующей темы, но затрагивает скорее «неудобные» вопросы литературного процесса и пытается осмыслить его самые разные аспекты – от идеологии до особенностей премиальной жизни; от актуальных тенденций в поэзии – до её бытования внутри «бумажных» и сетевых изданий. «Всматриваться в Другого» – завет, воплощаемый автором на разных уровнях: это касается не только ведущей тенденции, которую он видит в поэзии последних лет, но и внимательного охвата литпроцесса, и стремления прямо говорить о том, от чего принято отмахиваться или судить штампами. Можно распространить эту формулировку и на проектную деятельность журнала *Prosōdia* – в которой воплощены поиск и анализ разных имён и тенденций, вне замкнутости на «своём» круге; воплощена и первая в современной литературе – и идеалистическая, на взгляд многих, и не лишённая родимых пятен популяризаторства, – но проектно удачная попытка выйти к «широкому читателю» со стороны профессиональной поэзии.

Книга Козлова, хотя и может восприниматься как своеобразный манифест *Prosōdia*, существуя с ним в неразрывной связке, – не должна идентифицироваться напрямую с проектом: во-первых, потому что собрала тексты разных лет, с начала 2010-х, ещё до появления журнала. Во-вторых, потому, что мы не увидим здесь тех самых «родимых пятен», присутствующих иногда в «просодийных» статьях: здесь найден едкий, точный и доступный язык, и сборник статей будет интересен и понятен как профессионалу, так и новичку. И, наконец, просто исходя из того, что любая книга критика значительно шире какой-либо заявленной программы, – а в случае Козлова мы к тому же имеем дело с синтетической фигурой: критик, поэт, редактор, куратор литературных проектов. И всё же любопытно посмотреть, как разнообразное теоретизирование в этой книге создаёт синтез слова и действия.

Все эти грани пишущего проявлены в книге, многообразны и её сюжеты; сразу скажем – это многообразие дробит её на отдельные составляющие, не даёт чётко обозначить композицию (и вряд ли такую широту можно считать недостатком, скорее наоборот; сузить, вопреки Дмитрию Карамазову, не хочется). Если собственный поэтический опыт в этих статьях скорее разумно отодвигается (он закономерно присутствовал в «Зачем поэзия», где эссе отличались гораздо большей субъективностью и неизбежны были отсылки к практике автора-стихотворца – особенно в первом издании книги, существующем в виде брошюры), то позиции критика и организатора литпроцесса в новой книге органично сосуществуют, подсказывая друг другу нужные интонации и действия. Критик, возмущённый теми или иными тенденциями внутри обозреваемой им литературной картины мира, ведёт за собой проектный пафос (как в наиболее задиристой статье «Ничья земля современной поэзии»); пафос этот не остаётся холостым и воплощается в дело. Этот синтез отражается во многих статьях книги: о «Ста поэтах начала столетия» Дмитрия Бака или о «Кварте» Валерия Шубинского и Богдана Агриса.

¹ Мы откликнулись на первое издание этой книги: Волга, № 11-12, 2021. Кутенков Б. Поэзия как практический результат (<https://volga-magazine.ru/%d0%b1%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%81-%d0%ba%d1%83%d1%82%d0%b5%d0%bd%d0%ba%d0%be%d0%b2-%e2%84%9611-12-2021-%d0%b3%d0%be%d0%b4/>).

Первый текст, о Баке, посвящённый критике тенденций в разговоре о современном поэтическом «хозяйстве», как будто бы подготавливает почву для собственного проектного «как надо» и «как не надо». Второй, о «Кварте», – написанный на самом деле о многообразии современных поэтических изданий и их классификации – неявно, но обозначает место козловского проекта на этой карте, причём с позиций не только существования внутри их контекста, но и апофатики, неизбежного отстраивания. Да, раздражаясь, безусловно, хочется создать что-то уникальное; слова о появлении «Кварты» – «Основание своего журнала – это прежде всего жест, показывающий на необходимость особенного пространства для того разговора, который хотят вести основатели. Свой журнал понадобился, видимо, уже не просто затем, чтобы писать самому, но и затем, чтобы не соседствовать с чужеродным материалом под одной обложкой, чтобы формировать не раздражающее литературное окружение», – относятся и к деятельности Козлова тоже. Этот едкий и точный взгляд на коллег воспринимается с интересом – и хочется рекомендовать статьи «Русской поэзии...» как пишущему сегодня о поэзии, так и зачинателю литературных движений, да и просто желающему обрести ориентиры в сегодняшнем странном и трудноопределимом литпроцессе. Широта охвата поражает; Владимир Козлов иногда напоминает Геракла, идущего разгребать конюшни Авгия разом и на теоретическом, и на практическом уровне, пытаясь подниматься над всеми идейными схватками. Разумеется, ответный авгиев навоз летит со всех сторон, однако альтернативной попытки столь масштабного осмысления, можно сказать, и нет. Книги, представляющие либо литературоведческий, либо лингвистический взгляд на современность, либо критические, но совсем уж оторванные от реальности, – в качестве примера второй тенденции можно назвать недавно вышедшую «Цель поэзии» Алексея Алёхина, – не в счёт.

Упомянутая статья «Ничья земля современной поэзии», безусловно, одна из важнейших в сборнике: формально она посвящена разбору проблем современной критики – но в спектр внимания автора попадают самые разные аспекты, слишком уж, опять-таки, широка тема. Затронуты и сомнительность отдельных критических реплик, и невозможность договориться между собой, и пробелы в нынешнем филологическом обучении молодёжи. Задачи, которые Козлов ставит перед коллегами (и, думается, в первую очередь перед собой), простираются от вполне проектных («К кому это воззвание? Безусловно, к цеху. Вам нужны критики? Идите в университеты и учите филологическую молодёжь писать рецензии и статьи. Перестаньте поощрять неумение и нежелание читать текст. Хватит презрения к филологии – вы и сами находитесь в плачевном состоянии...») до утопических: такой мне представляется в первую очередь сама попытка централизации литературного процесса. Статья написана в 2018 году, когда всё это казалось минимально возможным, – в тексте же 2022 года, говоря об изменении редакционной политики своего издания, Козлов сам с грустью констатирует неплототворность таких попыток: «...у нас могли одновременно публиковаться имена, которые в другом месте не сошлись бы никогда. Мы старались внимательно относиться и к поэтическим экспериментам, и к самым консервативным, на первый взгляд, творческим стратегиям. Я далёк от мысли, что мы были центром литературного процесса, но мы точно выполняли функции такого центра. В 2022 году мы были вынуждены констатировать, что внешняя среда изменилась гораздо в большей степени, чем наша позиция...». И всё же, кажется, именно после или на фоне такой статьи, как «Ничья земля...», в которой проработан значительный пласт стилевых манер, журналов, тенденций и всему выдано аналитическое «фи», – должна прийти собственная проектная деятельность. Это как не грешить после молитвы, оправдать пафос деянием. И она пришла; а как оказалась воплощена – нужно писать отдельную статью о проекте Prosōdia.

Две статьи, опубликованные в разных главах сборника, можно назвать наиболее значимыми для осмысления координат этого критического мира. Одна, уже названная выше, – интересна для понимания взаимоотношений автора с критикой и литературным

цехом; да и не только автора, но и нас самих, если мы всё ещё полагаем дело поэзии общим. Другой ключевой текст – со стороны именно что поэзии – написанный в 2014-м году и ещё тогда привлёкший к себе внимание – о «конфликтующих поэтиках: “узнавания” и “блуждающего слова”». Статья представляет собой сравнительный анализ поэтик Олега Дозморова (пример первой стратегии) и Григория Петухова (пример второй). Возможно, поэзия Петухова и не лучший пример для демонстрации «мучительной сложности», не высший её предел в современной поэзии, – но сама статья проливает какой-то свет и на деятельность Prosōdia с её умеренно консервативной эстетикой, и на манифестированный в этой книге «неотрадиционализм». Эти две точки – раздражённая проектность, с одной стороны, в «Ничьей земле», и умеренный консерватизм, неприятие лирических «темнот», в «Конфликтующих поэтиках...», – оказываются нелишними для изучения козловского проекта в целом. В этой парадигме ценностей если и найдётся место «блуждающему слову» – то не в сердце организатора проекта, а, возможно, в его стратегии разнообразия; мол, бывает «и такое». И хотя критик пытается занимать промежуточную позицию, по интонации ясно, на какой стороне его симпатии. Ирония прорывается: «Поэтика блуждающего слова почти ничего не знает о мгновении. В ней творятся авторские мифы, которые задают поэтическую вселенную. Здесь лирическое “я” оказывается то Адонисом, то Одиссеем. Здесь мы сопереживаем героям мифов, но никогда не увидим лирического дневника автора. Автор, возможно, потом будет реконструирован – в стиле, языке, сквозной сюжетике. А возможно, автора никогда не найдут, и на поверхности читательской памяти останется лишь какой-то проходной персонаж из авторской коллекции. Психология таких персонажей задана логикой творимого мифа. В этой поэтике не встретить идиллического пространства поэзии, слово здесь изначально прозаично, потому – для сотворения мифа может быть взято любое». Да, всё это справедливо. Да, ясно, что критику всё это не близко. И да, ценно, что это написано после глубокого и детального анализа той и другой поэтики. И всё же вспоминаются слова Ольги Балла из недавнего интервью: «Мне – на нынешнем, по крайней мере, этапе становления – кажется близкой поэзия метафизическая, та, что касается глубоких основ существования. Она может быть как ясной, так и тёмной. Но, кажется, тёмной поэзии прикосновение к этим основам удаётся в большей степени».

И, наконец, третий сюжет, важный для этой книги, – вслед за осмыслением проблем критического цеха и следом за конфликтом «блуждания и узнавания» – связан с наплывом любушки идеологизации. Этот сюжет болит у автора, как у любого делающего сегодня литературу на русском языке; в наибольшей степени он болит у организатора; и сильнее всего, наверное, – у организатора, тяготеющего именно к упомянутой централизации процесса. Скажу честно: почти всё написанное Владимиром Козловым на эту тему читаешь с недоумением. Разделение на «авангард», «ангажированное искусство» и «неотрадиционализм» не даёт внятного представления о творящемся в поэтическом мире вне разговора о персональных результатах; примеров «ангажированного искусства» остро не хватает, они здесь старательно обходятся. Подразумевается, что каждый читатель назовёт этих авторов на своё усмотрение, однако сами образцы текстов и их анализ (притом что, конечно, навлекли бы новые авгиевы волны на публикующее издание), возможно, обнажили бы несостоятельность классификаций. В первой «антиидеологической» статье – «Эскапизм современной русской поэзии 2022 года», в необходимой и важной для осмысления главе «Реакция на идеологизацию литературного процесса» – Козлов пишет об изменении литературной ситуации после 2022: «Многие поэты превратились в трибунов, политических комментаторов, строгих судей по каким угодно вопросам, только не по вопросам поэзии. И это резко сузило круг авторов, которые могут быть напечатаны в Prosōdia. <...> мы можем с пониманием и уважением отнестись к его выбору, но для нас совершенно очевидно, что этим путём автор пойдёт уже без нас – потому что Prosōdia служит поэзии и тому, чему служит сама поэзия». Но «чему служит сама поэзия»? Безусловно, у неё есть свои задачи и своя специфика, – однако в какой

момент эти задачи и специфика становятся отдельными от «гражданских» внутри эстетического результата? Как именно стоит разграничивать поэта и «трибуна, комментатора» (хочется продолжить по-маяковски – «агитатора, горлана, главаря»): на уровне целостного корпуса текстов или же отдельного стихотворения, которое может быть талантливым, будучи написанным абсолютно на любую «тему»? Или же речь о поведении, о высказываниях в соцсетях? «Все эти линии поведения совершенно нормальны для граждан, для живых людей, которые ходят по земле и имеют право на мнение о соседях и работе городского транспорта. Но когда я слышу это от людей искусства, у меня возникает ощущение, что ими потеряно понимание, в чём собственно их роль как людей искусства», – категорично пишет Козлов; но когда искусство измерялось «линиями поведения»? В какой момент то, «какими новыми стихами отреагирует зрелое поколение на масштабные исторические события», включает в себя эту «трибунность», а в какой – противоречит ей? Этих ответов при чтении статей не хватило – притом что сами проблемы поставлены вполне определённо и остро. В попытке противостояния схваткам – смелость со стороны критика; с нашей же стороны – печаль дискommunikации. Книга Владимира Козлова, смело вброшенная в идеологически заряженное пространство, демонстрирует антагонизацию по отношению и к «тем», и «другим» навязчивым идеологам разных лагерей – но проблема, видимо, в самих формулировках, которые требуют либо говорить с максимальным количеством примеров, либо избегать темы совсем.

Несколько коробят и следующие слова: «Эпоха, которая наступила, очень интересна. В некотором смысле она позволяет увидеть то, что в предыдущую находилось в слепой зоне. Она заинтересовалась человеком, она предложила новую оптику для его состояний, его этики и даже его природы. Она отменила отмену истории, признав, что история не только не покидает сцены современности, но и является постоянно действующим фактором непрерывной работы с идентичностью. Наконец, повестка устойчивого развития создала сложный сюжет отношения человека с миром, который погибает от его рук. Эту новую эпоху не просто надо увидеть, – надо почувствовать себя в ней. И не дать подменить эту масштабную картину повесткой идеологической борьбы». При несомненном согласии с заключительным предложением этого фрагмента – вспоминаются строки Николая Глазкова: «Чем эпоха интересней для историка, / Тем она для современника печальней». Наступившая эпоха, безусловно, представляет обширный спектр наблюдений для историка литературы. Есть что-то верное в том, чтобы холодно и рационально описать имеющиеся тенденции. И всё же сама интонация заставляет помыслить о побочных эффектах этой «интересной эпохи», они перед глазами, – тем более Козлов сам пишет об «искажённом ходе литературного процесса»; в этом приветствии эпохе с её «сложным сюжетом» и, к примеру, словами о запретах видишь противоречие. Так или иначе, безусловна искренность в отстаивании интересов именно поэзии. Плодотворны споры о её границах, их стоило бы заострить ещё чётче; но ясно, что без осмысления этих статей разговор о литпроцессе последних трёх лет уже невозможен.

В отдельный раздел вынесены монографические тексты, которые представляются более очевидными – и вряд ли спровоцируют какие-то дискуссии, что, конечно, не отменяет их ценности. Здесь диапазон авторов и манер довольно широк: Денис Новиков, Виталий Пуханов, Сергей Завьялов, Мария Степанова, Олег Чухонцев... (С особенным удовлетворением отметил бы – как отмечаю и в *Prosōdia* – вдумчивые тексты о персонах, которые не то что никогда не напишут о Владимире Козлове, но и не кивнут в его сторону. Речь, конечно, не о радости за это отсутствие «кивков» – но о том, что хотя бы с одной стороны происходит ценное и редкое преодоление «лагерности».) Безусловно, здесь читателю есть чему учиться: и точному взгляду, и осмыслению поэтики внутри современного контекста и жанрового диапазона, и взаимоотношениям между частностями и обобщениями в критическом эссе. Стоит выделить и обращение к «микроскопическим» деталям: так, говоря о стихотворении Александра Переверзина «Чайник», критик

обращает внимание на «закон Бернулли» – метафора, которую мы слышали 100 раз при чтении этого переверзинского «хита» (уже шлагера). Та деталь, мимо которой мы благополучно проходили, оказывается неслучайной: «Скорость потока сокращается в широких местах и увеличивается в узких. В переводе на язык этого стихотворения это значит, что нужно быть глупым ребёнком, чтобы думать, будто прошлое погибло, что связи времён больше нет. Закон Бернулли поясняет, что у Большого времени могут быть моменты, которые очень похожи на провал, более того – в малом времени отдельного человека тоже есть такие моменты, лирический субъект в этом убедился...» В этом есть что-то от детективной составляющей – сразу вспоминаются статьи Аллы Латыниной, которую один из рецензентов назвал «Мисс Марпл русской критики»; в таком случае Козлов – её Эркюль Пуаро, для которого нет ничего случайного, который умеет тонко встроить «малозначительную» деталь в контекст при анализе близкой ему поэтики – и эта деталь оказывается оправданной.

Многое цепляет в этой книге Владимира Козлова, посвящённой тенденциям, книгам и персоналиям. Некоторые из статей читаешь с чувством ностальгии, как отсылки ко времени (всего лишь четырёхлетней давности!), когда ещё возможны были жаркие споры вокруг премии «Поэзия». Некоторые, хотя и сопровождаются годами издания, очевидным образом нуждаются в уточнениях – непросвещённому читателю явно стоит пояснить, что половина институций, перечисленных в статье о Марии Малиновской и премии «Поэзия», после 2022 года прекратила существование. (Однако и сносок на всех не напасёшься – хотя в отдельных, особо важных случаях, они есть; и это проблема скорее не книги Козлова, но любого сегодняшнего сборника критических статей – который включает работы лет за 10, а значит, о сильно изменившемся литпроцессе.)

А вот статья о творческих взглядах Игоря Меламеда, кажется, остаётся вечно актуальной, причём со знаком «минус». Текст вызывает недоумение уже на уровне цитат, которые приводит Козлов: «Он начинает с того, что совершенство не стяжается, а “благодатно даруется”. И случается, что “благодатью осеняется меньший, а не больший дар” – “Бродский был, несомненно, талантливей Арсения Тарковского, но, в отличие от последнего, почти не имел творческой благодати” (с. 37). А если поэзии Евтушенко и Вознесенского «не дарована благодать – её должно судить лишь по законам, “ими самими над собою признанным“» (с. 37). Здесь автор как будто забыл, что Пушкин призывал судить по таким законам всякого художника. Демократизм и пушкинское великодушие христианскому воину Меламеду на деле чужды. Он пишет, в общем, правильные вещи – до тех пор, пока не берётся устанавливать границы “благодати”, без всяких сомнений отделять агнцев от козлищ...», – так комментирует критик. Но если Меламед в своей сокрушённой риторике об утере поэзией классического начала «пишет, в общем, правильные вещи» – то к чему вообще книга Козлова обо всей сложности современной поэзии, от Степановой и Завьялова до Переверзина? Кажется, что эти точки зрения – меламедовский радикальный консерватизм и консерватизм умеренный, всегда готовый пересмотреть собственные границы и выйти к метапозиции, – исключают друг друга не меньше, чем поэтики «узнавания» и «блуждающего слова». И если тексты о «Ста поэтах начала столетия» Дмитрия Бака или, например, о проблеме анонимности в поэзии на примере известной уральской антологии достойны того, чтобы выйти в широкое дискуссионное поле, – то с этой рецензии, думается, не стоит начинать знакомство с книгой: да и она предусмотрительно помещена куда-то в середину.

В самый же финал вынесена работа о «неотрадиционализме», где перечисляются признаки течения: но слишком многое оказывается перечислено под этой «шапкой». Так уж ли «авангард» противоположен «традиции» – или, возможно, наследует традициям другим (хармсовской, хлебниковской)? Без разбора частных примеров, в том числе отрицательных, кажется, эти положения повисают в воздухе – как и в статьях про идеологию. А когда в рамках «неотрадиционализма» преподнесены столь разные и даже противоположные течения, как «акмеизм, неоакмеизм, “классическое направление”,

“ахматовские сироты”, метареализм, сообщества “Московское время”, “Алконост”», возникает закономерный вопрос: стоит ли выделять это направление как автономное?

Всё это, в общем, как и другие перечисленные нами проблемы, достойно гораздо большего диалога, чем тот, который может предложить сегодняшнее время – и сегодняшнее расколотое литературное «сообщество». И всё же попытка ставить неудобные вопросы, с большей или меньшей степенью успеха, ставит эту книгу и её автора в одинокое и важное положение. В случае Козлова мы, пожалуй, действительно имеем редкое и разнообразное сочетание: смелость говорения и смелость действия, что в сумме даёт практическое обоснование идей; рациональный подход бизнес-эксперта, сочетаемый с глобальным видением историка литературы и – когда нужно – его метапозицией; страстный взгляд критика, который «выскакивает» из-за литературоведческой основы – и в определённые моменты безапелляционно противопоставляет себя «общему». Не всё в этой жизненной программе стремишься разделить; не всё можно и уместно проговорить в этой книге при всей заявленной тенденции к прямоте; однако рефлексия над «Русской поэзией начала XXI века» обязательна для полноценного разговора о поэзии и критике последних лет. Хочется надеяться, что эти высказывания не повиснут в пустоте и призовут коллег не к мечу и топору (и не к коллективному Топорову), а к разумному диалогу.